

LiteraruS – Литературное слово 1(42), 2014 (весна)

2003 – 2013

Историко-культурный
и
литературный журнал на русском языке
Издается в Финляндии с 2003 года

Главный редактор
Людмила Коль

Редакционный совет

Александр Авеличев, Тимо Вихавайнен, Игорь Воловик, Арви Пертту,
Сергей Погребов, Галина Пронина, Ирина Савкина, Елена Хеллберг-Хирн

Корреспонденты

Полина Копылова (Финляндия), Светлана Матссон-Попова (Швеция),
Нина Гейдэ (Дания), Юлия Лалуа (Франция), Евгений Степанов (Россия)

**Компьютерная графика
и макет обложки**

Таня Варонен

Корректор

Галина Пронина

Web-мастер

Евгений Малицкий

Журнал имеет 6 выпусков в год, №№ 1–4 выходят на русском языке

Подписка на журнал принимается

по e-mail: literarus@kolumbus.fi

по тел.: +358 40 5121618

Информация о журнале расположена на сайте:
www.literarus.org

Журнал публикует произведения авторов, живущих в Финляндии, Скандинавии и других странах, а также российских авторов, пишущих на финские темы; тексты принимаются по e-mail

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

Точка зрения автора может не совпадать с точкой зрения редакции

Материалы публикуются на безгонорарной основе

Издатель: **LiteraruS**

Y-tunnus: 1538941-8

При участии LiteraruS ry

Печатается в типографии UNIGRAFIA OY

(Тел.: +358 9 7010230)

© **LiteraruS**, 2014

Издание осуществляется в рамках Проекта «LiteraruS»
при поддержке Министерства образования и культуры Финляндии

ISSN 1459-2673

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

Михаил Окунь. Вечер на веранде 5

НАША ИСТОРИЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Тимо Вихавайнен. Русофобия 12

ПРОЗА

Татьяна Розина. ...посадить дерево, вырастить дочь..., рассказ 16

Мирия Ниукка. Странные люди, рассказы 28

Александр Костюнин. Парикмахерша, рассказ 34

АНОНС

Знаете ли вы Хельсинки? 43

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Инь Лю, Мария Михайлова. Вампирическая сущность материнской любви 44

ИСКУССТВО ФОТОГРАФИИ

Один день в Финляндии (Кирилл Резник) 54

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВСТРЕЧИ

Неожиданность счастья (К.Граве; А.Делизе, О.Горчанкина; А.Годар; Б. ван Гавер) 58

ГОСТЬ ЖУРНАЛА

Ирина Такала. Офинских исследованиях в ПетГУ 68

СТРАНИЦА ПЕРЕВОДЧИКА

Марья-Лииса Вартио. Финский пейзаж, рассказы (пер.: Галина Пронина) 74

ЖУРНАЛИСТ

Игорь Воловик. ДРЕЗДЕН. Элегия рококо 80

ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Наталья Ершова. Сергей Николаев-младший – первый удачливый 85

ЭХО

Vallan kasvot/Faces of Power 92

Про себя, о себе, для себя 94

Развлечение в русской культурной жизни на рубеже эпох 96

Внезвизм и Восток (Алексей Филимонов) 100

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Евроремонт путаницы (Борис Колымагин) 102

В гостях у Дании (Людмила Коль) 104

Ева, верни ребро! (Светлана Бартохова) 106

ОБЪЯВЛЕНИЯ 108

На стр. 1 и 4 работы фотохудожника Кирилла Резника: Без рака и щуки; Музыкант

*Вечер на веранде*Михаил Окунь
Михаил Окунь

НЕМЕЦКАЯ РЫБАЛКА

М. Дрибинскому

Серая река лежит пластом,
Птичка попискивает жалобно и тонко.
Стоим под железнодорожным мостом,
Ловимна донку.

Правильный речник ведет баржу,
Туман разгоняет снопами света.
Мрачное утро, но я не тужу,
Радуюсь, что ещё не Лета,

А дальше озеро – ещё не Коцит,
Не ледяной холод в берегах огненных...
Вот и нырок – шустрый, как лейкоцит,
Пёрышко кпёрышку, всё подогнано.

Так и стоим – те, да не те,
Громкой державе уже не вобузу.
Свистит поезд в утренней пустоте,
Клюёт плотва на консервированную кукурузу.

***

Расстояния, конечно, разделяют...
И страна совсем другая, нуда бог с ней.
А жизнь мельчает, мельчает, дно выявляя, –
Отсюда, со швабской горы, видней.

Злобствуем, себя калечим...
Но не так уж мы друг от друга далеки,
Хоть и перекликнуться нам больше нечем,
Кроме «Бриллиантовой руки».

ТЕТРАДКА

Будет жизнь проходить по порядку,
И с утра, как бы ни был хорош,
В коленкоровую тетрадку
Занесёшь каждый пропитый грош.

За тобой никому не угнаться! –
Пишешь, пишешь, свихнувшись совсем:
Водка – две по четыре двенадцать,
«Жигули» – трижды по тридцать семь.

Тормози, старикашка поддавай!
Поляди: день паскуден и сер.
Нет, всё пишет: копейки и даты,
И страну – эсесер, эсесер...

СОН ПРО БАБУШКУ

Наяву, заледенелой улицей,
Бабушка вдетсад меня ведет!
А дома на Лиговке сутулятся,
И туда-сюда снует народ.

Утираю варежкой сопельки.
Чей-то пёсик тумбу обоссал.
... Что за чудодейственные капельки
Мне германский доктор прописал?

Что за вещество стоит под радужкой? –
По всему, не пошлый кодеин...
Это мы идем-смеёмся с бабушкой,
Не бывает скучно нам двоим!

* * *

Никого в «скворечнике» не лечат –
Никому и ничего не надо...
Тихо облака летят на плечи,
Точит дождик оболочку сада.

Обозначено пространство чётко –
Мерою всему проём оконный,
Схваченный ржавеющей решеткой;
Синий лес на заднике посконном.

Спи же в наблюдательной палате
На застиранной простынке серой, –
Собственному миру адекватен
От укола до укола серой.

ЗИМА 2013 ГОДА

В Петербурге скользко,
Но разлив открыт.
Не платить нисколько! –
Вот где хунд зарыт.

Во дворах машина
Колею найдет.
Вдавливают шины
Гривенники в лёд.

Мать после больницы
Тихая сидит.
Славная столица,
Город Дит...

***

Ничего не сделал снег,
Белое осталось белым.
Открывает местный грек
Свой шалман заиндевелый.

Пригляделся: вот беда! –
Это яль в витрине грека?
Как же занесло сюда
Пожилого человека?

Принимай скорей, нора,
Свежий снег скрипуч не в меру.
Больше живости с утра!
Гутен морген! Калимера!¹

---

² Доброе утро (греч.).

***

Автобус скрипел и качался,
И к ночи пришел на вокзал.
А он ничего не боялся,
Не плакал и горя не знал.

Косили незрячие глазки,
Быликом подобен кроту, –
В нелепой сидячей коляске,
Развёрнут лицом в темноту.

И нервничали, и спешили,
Плацкартный на стыках дрожал.
А он в перевёрнутом мире
Как маленький Будда лежал.

ДУША

Пробочка над крепким иодом!
Как ты скоро перетлела!
В.Ходасевич

Пластмассовая пробка,
Да и пожиже йод...
Нашёптывала робко,
Прикладывала лёд.
В иные дни висела
Почти на волоске,
А всё-таки засела,
Как ржавый гвоздь, в доске...

***

Вечер на веранде. Над арбузом – осы.
Где-то за оградой – звонкий стук мячей.
Местная, Наташа?.. Тихие расспросы.
Озеро в тумане.
Мельничный Ручей...

Ничего не вспомню. К черту древогочев! –
Ни интрижек дачных, ни футбола... Но –
Слева, под ключицей, заклеено листочком,
Спрятано от взглядов, – родимое пятно.

СТИХОТВОРЕНИЕ НА «ЩА»

Вот и ушла твоя девочка – ищи-свищи!
Ты – старый, паскудный, на ягодицах свищи.

Думал удержать ее, вцепился клещом? –
Пускай теперь слюни: «Ещё, ещё!..»

Дуй водку, хлебай пустые щи.
Ничего не жди, никого не ищи.

***

Дорога не скажу куда...

А. Ахматова

Там, где память изменяет,
И уже не вспомнишь год, –
Хвою ближний лес роняет,
Белка шустрая снует,
Пробегают электрички,
Дребезжит квадрат стекла...
Жизнь живетса по привычке,
Но уже белым-бела
Та дорога в Комарово,
И залив укрылся льдом,
И лишившиеся крова
Обрегают новый дом.

КЕСАРИЙСКИЙ ОСЛИК

Жизнь поделив на «до» и «после»,
Со скукой пристальной смотри,
Как маленький турецкий ослик
Везет коляску в Кайсери.¹

В коляске взрослые, как дети,
Гадят на целый белый свет,
И ничего для них на свете
Нет лучше пачки сигарет.

Плетется ослик еле-еле,
Но сносна жизнь его вполне:
Всегда накормлен и при деле,
И хоть придурки одолели –
Не помнит о вчерашнем дне...

---

¹ Город в Турции, в древности известный как Кесария Каппадокийская (*примеч. автора*).

Аслен, Германия

МО

19–20 марта
2014 года
состоится семинар
«Россия и Европа: диалог культур».

Организаторы:
журнал Literarus при участии Института мировых культур
Хельсинкского университета, РЦНК в Хельсинки,
общества Literarus ry.

Программа

19.03.2014

1. Доклады

10.00 – 12.00

Адрес: *Fabianinkatu 33, 3 эт., зал 8*

13.00 – 15.00

Адрес:

Unioninkatu 34, 2 эт., ауд. II

2. Экскурсия в Славянскую библиотеку

15.15

Адрес: *Unioninkatu 36, фойе 1 этажа*

3. «Русский кружок». Панельная дискуссия

16.15 – 18.15

Адрес: *Unioninkatu 38 А, к.109*

20.03.2014

1. Посещение мэрии г. Хельсинки

(лекция, экскурсия)

11.00 – 13.30

Адрес: *Pohjoisesplanadi 11–13*

2. Доклады

15.00 – 17.00

Адрес: *Nordenskiöldinkatu 1, РЦНК,*

Музыкальный салон

Перерыв

3. Литературно-музыкальный вечер.

Выступает пианистка Марина Костик.

Началов 17.30

Добро пожаловать!

www.literarus.org

Инь Лю

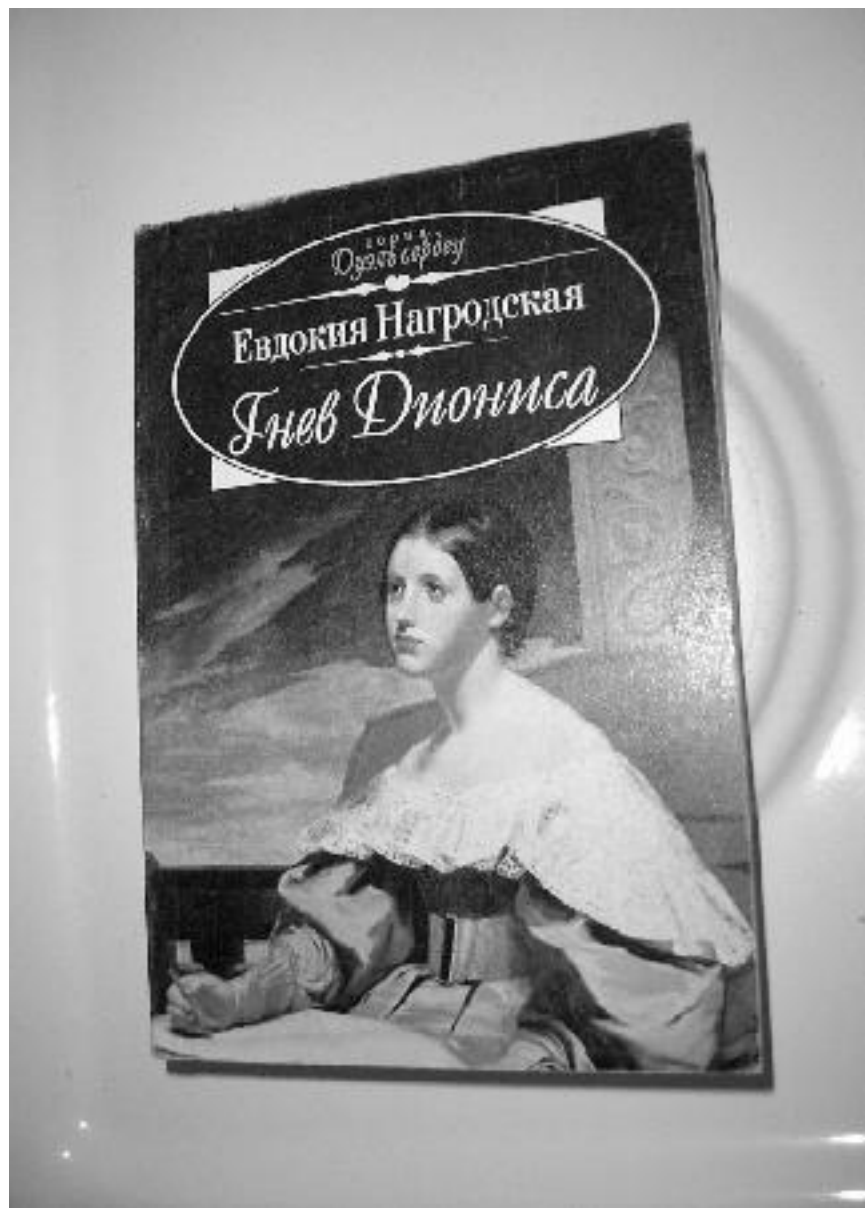
Мария Михайлова

Вампирическая сущность материнской любви

Предисловие к публикации рассказа
Е.А. Нагродской
«Материнская любовь»

А
М
Е
Л
Ф
Р
У
О
С
Н

Евдокия Аполлоновна Нагродская (1866–1930), дочь гражданской жены Н.А. Некрасова и А. Панаевой, рожденная в браке с секретарем журнала «Современник» А. Головачевым, за которого, можно сказать, ее и выдал сам поэт, стала создательницей одного из первых бестселлеров в русской литературе начала XX века романа «Гнев Диониса» (1910). Только до революции он переиздавался 10 раз, был переведен на несколько языков. Внимание к нему привлекла «расшифровка» автором теории О. Вейнингера о существовании женственных мужчин и мужественных женщин, которым открыто будущее, причем она со многими ее пунктами не согласилась. Также коснулась Нагродская и таких острых тем, как тяготение друг к другу лиц одного пола, необходимость самореализации женщины в общественной и частной жизни, трагичность попыток гармонически соединить заложенную природой в женском организме возможность материнства с требующим проявления творческим потенциалом и т.п. Все это сделало роман безмерно популярным и бурно обсуждаемым. Поэтому написанное Нагродской впоследствии критики постоянно сравнивали с ним, и, по их мнению, новые произведения проигрывали «Гневу Диониса» в мастерстве художественного исполнения и проблемной значимости. Такая установка не позволила критике увидеть самобытность того, что сделала писательница в литературе. Критики пошли по проторенному пути: раз женщина, значит – «дамское рукоделие», раз популярна – значит, «бульварная беллетристика», раз пишет о взаимоотношениях мужчины и женщины – значит, последовательница и пропагандистка

феминистских идей.

И постоянным рефреном критических работ о Нагородской было сравнение ее с «королевой бульвара» Анастасией Вербицкой, что очень удивляло саму писательницу, которая с самого начала была нацелена на развенчание тех стереотипов, которые бытуют в обществе, тех мифов,

которые принимаются без тени сомнения, тех сакральных представлений, которые кажутся неизбежными. По воспоминанию современника, она признавала, что персонажи ее и Вербицкой «действительно во многом схожи и по характеру, и по сути, но если Вербицкая возвышает их до уровня героев и

героинь, то она их высмеивает, лишая героического ореола»¹. Также не уловили критики и масонской составляющей ее творчества, которая наиболее ощутимо сказалась в романе «Белая колоннада» (1914), отметившем начало приобщения писательницы к масонским идеям (в эмиграции, куда она уехала в 1920 году, она сначала была посвящена в ложу международного масонского ордена «Друа камен», а в 1927 стала фактической руководительницей – венераблем – русской женской ложи «Аврора»).

Думается, что именно сейчас, используя методы постструктурализма, стало возможным освободить ее имя от «бульварных» определений. Наступила пора внимательного прочтения ее произведений в русле деконструкции, т.е. обнаружения скрытых смыслов и интенций. И рассказ «Материнская любовь» представляет собою идеальный материал, способный показать, что Нагродская стоит у истоков некоторых успешных литературных «проектов» конца XX – начала XXI столетия, одним из которых стала «вампирская сага» во всех ее жанровых проявлениях.

Обращение Е.А. Нагродской (1866–1930) к теме вампиров в рассказе «Материнская любовь» явилось проявлением готической традиции, причем, вероятнее всего, опиралась она на западные образцы, а не на повесть А.К. Толстого «Упырь» (1841), которая была создана в романтическом духе. Автор, обращаясь к фантастике, пытался главным образом устроить, поразить воображение читателя и предостеречь его от желания проникать в область неведомого. У Толстого местом действия частично является Италия, столь важная для творчества Нагродской в целом.

Однако здесь писательница предпочитает поселить своих героинь в провинции, заменяя таинственный замок отдаленной усадьбой, которой владеет баронесса немецкого происхождения. В этом случае можно говорить о прозаизации готического топоса: дом представляет собою всего-навсего длинное двухэтажное здание, лишённое каких бы то ни было архитектурных украшений. Общим можно признать у Толстого и Нагродской разве то, что их вампирами оказываются женщины: у Толстого Супробина сосет кровь своей внучки Даши, у Нагродской, наоборот, юное создание шести лет питается кровью своих гувернанток. В западной же традиции, начиная с «Леноры» Бюргера, «Коринфской невесты» Гете, «Жюльетты» де Сада вплоть до «Вампира» В. Полидори и «Дракулы» У. Стокера (все эти произведения могла знать Нагродская) вампирами выступают главным образом мужчины. Возможно, что Нагродской был знаком также роман итальянского писателя, принадлежавшего к направлению веризма, Луиджи Капуана «Вампир» (1904 год, 2-е изд. – 1907), в котором автор, стремясь к объективному описанию фактов, проявил «научный подход» к проблеме вампиризма, который рассматривался им как галлюцинация, хотя некоторый скептицизм у итальянского автора в отношении этой версии все-таки присутствовал. Следует также напомнить, что Нагродская выступает со своими «готическими» произведениями в эпоху «переоценки ценностей», когда все подвергается переосмыслению. Поэтому она сохраняет лишь внешнюю готическую атрибутику. В готическую традицию вписывается мотив предсказания, когда гувернантку о предстоящих

событиях «информирует» буфетчица на станции, говоря о том, что в Грабенгофе случаются странные вещи: молодые служанки и гувернантки заболевают сразу по приезде, а двое из них даже умерли, при том, что «старухамничего не делается»². Используя предсказание, авторы готических романов интриговали читателя, в то же время, ограничиваясь намеками и недомолвками, сохраняли тайну вплоть до самого конца. Возникает таинственная атмосфера и у Нагродской: старые, убитые снегом, развесистые деревья вокруг дома, убитые снегом, рождают особую тишину, лакей одет в темную ливрею, гувернантка проходит в гостиную через тесный зал, озаряемый трепетом свечей. Каждый вечер она буквально валится с ног и спит беспробудным сном, после которого встает уставшей. На нее у нее появляется красное пятно. Но на вампирическое «происхождение» дочки баронессы Грабенгоф Минночки намекает ее облик: «Она была необыкновенно худа, ее руки и ноги были похожи на паучьи лапки. На этой скелетообразной фигуре сидела большая голова с мертвенно-бедным лицом. Большой рот с тонкими губами был, наоборот, ярко красен, при улыбке он растягивался». Но больше всего поражают новоиспеченную гувернантку ее уши: «Очень большие, оттопыренные, тонкие – они напоминали крылышки летучей мыши»³, – и то, что она впиалась жадным поцелуем в ее щеку.

Но задача Нагродской заключается не в том, чтобы поразить читателя. Она хочет развенчать миф о безраздельной материнской любви – этом «святом, всепоглощающем чувстве»⁴, которое может привести к тому, что мать будет уничтожать людей вокруг только для того, чтобы ее дитя процветала.

Поэтому она и избирает сюжет о дочери-вампира, которой сначала отдает кровь ее собственная мать, почти погибающая в результате от малокровия. Поэтому приглашение гувернанток в дом имеет весьма реалистическое объяснение: «Свою (кровь. – Л.И.) я ей отдала всю, я едва жива. Если я ее накормлю еще хоть раз, я умру! А если я умру, кто о ней позаботится?»⁵ – взывает она к состраданию (!) приглашенной.

Писательница в образе матери, одновременно эгоистки и жертвы, воплощает идею уродства. Е.А. Нагродская пишет о первом впечатлении, которое произвела на гувернантку хозяйка дома: «Едва я взглянула на баронессу – все мои тревожные мысли развеялись и заменились жалостью к этой милой ласковой женщине, такой болезненной и слабой, с нежными и словно испуганными глазами». А когда она заговорила о своей Минночке, «я была растрогана – эта нежная материнская любовь преобразила ее черты и сделала ее почти красавицей в эту минуту»⁶. Но по мере развития сюжета становится ясно, что под красивой внешностью матери, под ее нежным обхождением скрывается уродливая душа, требующая жертв от других: она сама подмешивает снотворное в вечерний чай. А потом приводит в спальню свое дитя: «Ведь моя дочь, бедный ребенок умрет с голоду... Ведь она может питаться только человеческой кровью...»⁷.

Таким образом, возвышенное материнское чувство приобретает уродливый извращенный характер. И писательница являет нам свое понимание того, что красота и уродство могут сосуществовать в человеке нераздельно, что прекрасное может превратиться в ужасное, даже незаметно для самого носителя этих

качеств.

Но было бы неверно думать, что Нагородская хочет принизить материнскую любовь, напротив, она очень высоко ценит материнские чувства. Ради них Татьяна в «Гневе Диониса» оставляет свою профессию. Матери, дурно выполняющие свои обязанности, явно порицаются Нагородской. И это прочерчивают границу между нею и яркими феминистками. Она хочет видеть любящих матерей, но материнская любовь не должна превращаться в крайность. Нагородская очень четко ощущает опасность крайнего проявления чувств, ту бездну, в которой человек теряет свои нравственные качества. Она против животного проявления материнской любви как биологического инстинкта только. Материнская любовь должна быть одухотворенной и возвышающей человека. Поэтому она заканчивает свой рассказ нравоучительной сентенцией: мольбой гувернантки «никогда не чувствовать к ним (своим детям. – Л.И.) такой сильной материнской любви»⁸. Мать должна делать все на благо ребенка, а не должна ради своего ребенка портить жизнь другим. Повторим, что для того, чтобы показать ужас крайнего проявления материнской любви, Нагородская прибегла к использованию архетипа вампира, чтобы опровергнуть ходячее представление о священной силе материнской любви сметающей все преграды. Она ворвалась в область языка, опровергая сузествующие словесные трафареты и показала изнанку традиционных представлений. Если в литературе только проникала идея возможного соперничества между матерью и дочерьми (впервые интуитивно открытая Н.В. Гоголем в «Ревизоре»), то Нагородская осмелилась

бросить вызов гендерным стереотипам, провозглашающим как высшую женскую доблесть материнскую любовь и привязанность. Можно сказать, что она явилась в какой-то степени родоначальницей трансформации образа вампира, т.к. в ее произведении только дочь являет собою традиционный образ, а вот мать уже становится литературным образом, воплощающим метафорический вампиризм, вампирическая сущность которой проявляется не прямо, а косвенно, в подыскивании жертв для вампиров, которых она готова умертвить в уподоблении дочери. То есть она является одновременно и вампиром, и его жертвой, что отвечает уже современному толкованию жизненных явлений как двойственных по своей природе. И это уже знаменовало начало разрыва с традицией. Позже, как известно, появились и комические, и комплексующие, и страдающие вампиры.

Примечания:

¹Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения. М., 2008. С. 670.

²Нагородская Е.А. Материнская любовь // У бронзовых дверей. СПб., 1913. С. 220.

³Там же. С. 223. Известно, что, согласно поверьям, мертвец, выходящий из могилы, чтобы напиться крови спящих людей, чаще всего предстает в облике летучей мыши.

⁴Там же. С. 228.

⁵Там же.

⁶Там же. С. 222.

⁷Там же. С. 227-228.

⁸Там же. С. 228.

Евдокия Нагродская

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ

«В отъезде требуется гувернантка к шестилетней девочке, жалованье 75 р. на всем готовом» – следовал адрес имения, лежащего вблизи одной из станций Балгийской дороги.

Я задумалась ненадолго – положение мое было критическое. Я очутилась почти без средств в чужом городе и была рада всякому месту.

Случилось это потому, что отец семейства, где я служила, внезапно скончался, а его вдова с детьми, при которых я состояла гувернанткой, уезжали за границу.

Мне заплатили мои сорок рублей за месяц вперед и простились со мной.

Плохо заканчивался для меня старый год.

«Может быть, новый принесет мне счастье», – подумала я. «Напишу-ка я этой баронессе Грабенгоф. Я молода, здоровье у меня цветущее, работа меня не пугает, а если мне не понравится – я уеду, все-таки проведу праздники в семье, хоть и в чужой, а вознаграждение даже блестящее».

Я написала письмо с предложением своих услуг.

Баронесса ответила мне телеграммой, прося приехать немедленно.

На одной из ближайших от Ревеля станций я сошла и справилась, присланы ли лошади из имения баронессы. Мне ответили, что лошади здесь, но кучер просит обождать несколько минут, пока он исправит какую-то порчу в упряжи.

В ожидании отъезда я пила чай в маленьком станционном буфете. За стойкой буфета стояла полная краснощекая немка. Она давно поглядывала на меня с любопытством и наконец, не выдержав, вышла из-за своей стойки и под села ко мне.

– Вы едете в имение Грабенгоф? – спросила она. – Гостить?

– Нет, я приглашена баронессой в гувернантки.

– А каким образом вы нанялись к баронессе Юлии?

– По объявлению. Почему это вас интересует? – довольно сухо спросила я.

– Потому что, кажется, все бюро для найма гувернанток уже не хотят иметь дела с баронессой. Она должно быть очень капризна. Приедет какая-нибудь барышня, проживет два дня и сейчас же уедет. Баронесса отказывает ей под предлогом, что ее дочке не нравится новая гувернантка.

– Ну, я постараюсь понравиться, – сказала я.

– Все равно, вы долго не проживете, – уверенно сказала буфетчица, – через месяц заболете и уедете сами; воздух там что ли такой, но те, которые уживались у баронессы, заболели и уезжали, а две даже померли: одна гувернантка, другая служанка. Теперь вы не найдете ни одной девушки в окрестности, которая бы согласилась служить в Грабенгофе. Представьте себе, что старухам ничего не делается – живут себе, а молодые да здоровые сейчас же заболевают.

Со странными мыслями я подъезжала к Грабенгофу, и этих тревожных мыслей не успокоил вид старого помещичьего дома. Это было довольно длинное здание, в два этажа, под высокой черепичной крышей. Его стены были лишены всяких архитектурных украшений, кроме герба баронов Грабенгоф над воротами.

Старые развесистые деревья окружали этот дом. Теперь, взимнем своем уборе, они резко отделялись от темных стен. Надвигались сумерки. Меня почему-то поразила тишина. Кругом было жутко, тихо.

Выходя из саней, я нарочно громко что-то сказала кучеру и хотела сильнее дернуть звонок, чтобы нарушить эту несносную тишину.

Но не успела я этого сделать – дверь открылась, и не ее пороге я увидела старого слугу в темной ливрее.

– Баронесса ожидает барышню в гостиной, – кланяясь, доложил он, и, взяв канделябр с зажженными свечами, повел меня через большой темный зал, который я не могла рассмотреть при трепетном свете свечей.

В гостиной было и теплее, и светлее от топившегося большого старинного камина.

С кресла поднялась мне навстречу дама в старом платье – высокая и стройная.

– Добро пожаловать, mademoiselle, – сказала она ласково слабым голосом, – благополучно ли вы доехали?

Я поблагодарила.

– Садитесь, дорогая, вот сюда, – указала она на кресло по другую сторону камина, – и познакомимся.

Она протянула мне свою худую, почти прозрачную руку и пошатнулась. Я поспешила поддержать ее.

– Я нездорова и очень слаба, – с грустной улыбкой сказала она, – и я, и моя маленькая Минночка очень слабы здоровьем. Может быть, потому я так люблю видеть кругом себя здоровых людей.

Едва я взглянула на баронессу – все мои тревожные мысли рассеялись и заменились жалостью к этой милой ласковой женщине, такой болезненной и слабой, с нежными и словно испуганными глазами.

– Как я рада, что вы такая симпатичная – я думаю, что вы понравитесь Минночке, моей милой, маленькой Минни – и полюбите ее... Она немножко избалована, я сама чувствую, что избалована, но она у меня одна! Я живу только для нее. Она такая слабенькая и болезненная... Вы будете ее любить – не правда ли?

Баронесса взяла мои обе руки и смотрела на меня своими короткими глазами.

Я была растрогана – эта нежная материнская любовь преобразила ее черты и сделала ее почти красавицей в эту минуту.

Слуга доложил, что обед подан.

Обед был роскошный. Баронесса неотступно потчевала меня и сама ела очень много, хотя с видимым усилием.

– Доктор мне советует как можно больше есть, у меня сильное малокровие – кушайте и вы побольше, гуляйте на свежем воздухе, вообще берегите ваше здоровье.

Обед уже кончался, на столе подали фрукты и десерт, когда баронесса ласково сказала:

– Теперь я познакомлю вас с вашей ученицей.

Она вышла и через минуту вернулась, ведя за руку свою дочку.

Я люблю детей, люблю и красивых, и некрасивых, чистеньких и замазанных, здоровых и больных, но никогда ни один ребенок, как бы некрасив он ни был, не производил на меня такого отталкивающего впечатления, как эта девочка.

Она была необыкновенно худа, ее руки и ноги были похожи на паучьи лапки. На этой скелетообразной фигурке сидела большая голова с мертвенно-бледным лицом. Большой рот с тонкими губами был, наоборот, ярко красен, при улыбке он растягивался в длинную щель, и обнажалась редкие, острые зубы.

Веки почти закрывали глаза, и глаза из-под этих тяжелых полуопущенных век, светлые, почти белые, казались незрячими.

Что еще поразило меня в ее наружности – это уши. Очень большие, оттопыренные, тонкие – они напоминали крылышки летучей мыши.

Я даже слегка вздрогнула от неприятного ощущения, когда в моей руке очутилась паучья лапка девочки, но я сейчас же упрекнула себя.

«Бедные, больно й ребенок, надо приласкать его».

– Вот мы и познакомились, Минна, – весело сказала я, – надеюсь, мы подружимся. Хочешь меня поцеловать?

Девочка медленно подняла свои тяжелые веки, взглянула на меня пристально и вдруг впиалась в мою щеку каким-то жадным поцелуем.

– О, она вас полюбила! Какое счастье! – воскликнула баронесса, сжимая мою руку. В ее кротких глазах блестели слезы восторга.

Шел уже третий день моего пребывания в Грабенгофе, и я уже чувствовала, что воздух его мне вреден. На первый же день моего пребывания, встав поутру, я почувствовала себя очень слабой и целый день у меня кружилась голова, чего раньше со мной никогда не бывало. Я решила, что это с дороги, так как ночь я спала как убитая. Я едва имела силы после чаю, который я пила с баронессой, дойти до постели и раздеться.

Меня удивило, что и на другой, и на третий день тот же свинцовый сон овладевал мною к вечеру. На четвертый день думала, что я не встану – так я себя скверно чувствовала. Хорошо, что занятия с ученицей еще не начинались. Я ее видела только по вечерам, после обеда: она обедала отдельно.

– Минночке доктор предписал строгую диету, – сказала баронесса, обнимая девочку.

Кажется, сама девочка добровольно подчинялась предписанию доктора, так как жестом отвращения отказывалась от десерта, который я ей предлагала.

Ко мне она чувствовала какую-то страстную нежность и все жалась ко мне.

Этот час после обеда, пока Минна не уходила спать, был для меня тяжел. Я упрекала себя... но я чувствовала отвращение к этому ребенку.

На третий день мы, как и во все эти дни, пили чай у камина.

– Завтра канун Нового Года, – сказала я грустно. Мне вспомнилось, что в этот день все будут веселиться, а я буду сидеть одна с этой тихой женщиной в занесенном снегами, мрачном доме.

– Ах, и в самом деле завтра 31 декабря по старому стилю. Я перепутала все числа. Вся моя жизнь сосредоточилась на моем ребенке, и для меня праздник тогда, когда моя крошка здорова и счастлива. Вы не осуждаете меня за такую всепоглощающую любовь?

– Что вы, баронесса. Что же может быть прекраснее и благороднее материнской любви, – сказала я.

– Не правда ли? Но почему вы так долго не пьете ваш чай?

– Благодарю вас, мне что-то не хочется, – отвечала я.

– Нет, нет, вы, пожалуйста, выпейте его. Это полезно... чай... пожалуйста!

– Право, мне не хочется, – отвечала я, удивленная ее настойчивостью.

– Как же так без чаю... Это нельзя... ну, милая, сделайте мне удовольствие! – ее голос дрожал, и она нервно мяла в руках чайную салфеточку.

Выражение мольбы и тревоги на ее лице меня поразило, и чем больше она приставала ко мне, тем упорнее я отказывалась.

Она замолчала, грустно вздохнула и опустила голову.

Придя в свою комнату, я удивилась – мне вовсе не хотелось спать, и я долго

просидела, читая и работая, и на другой день встала гораздо бодрее, голова не кружилась.

Я подошла к зеркалу и увидела, что лицо мое не так бледно, и красное пятно, которое у меня появилось не шее, почти прошло.

Я целый день не видала баронессы, я даже обедала одна.

Только к вечеру она вышла, чтобы, по обыкновению, пить чай у камина.

– Сегодня, я надеюсь, вы будете пить чай, – любезно спросила она.

– О, да, – ответила я.

И вдруг, сама не знаю почему, подумала: «А не подливает ли она мне чего-нибудь в чай, чтобы я спала... ведь вчера я не хотела спать». Зачем ей это нужно? Что она скрывает? Ведь я, кажется, помещаюсь так далеко от ее комнат, что не могу ничего подслушать или подглядеть.

Мне отвели большую комнату с тяжелыми, дубовыми панелями верхнем этаже, тогда как внизу было несколько маленьких уютных комнаток.

Сама не знаю почему, но недоверие мое все возрастало и возрастало, и я незаметно для баронессы не выпила, а вылила за кресло налитый ею чай.

Я скоро ушла, сказав, что хочу спать, но спать мне совсем не хотелось. Сначала я думала почитать, но потом я решила не зажигать огня, чтобы баронесса не догадалась, что я не сплю. У меня почему-то явилась твердая уверенность, что она что-то подливала в мой чай.

Итак, я должна была встретить Новый Год одна, полубольная, далеко от всех близких, ожидая что-то – во всяком случае, не радостное и не приятное.

Я невольно прислушивалась.

За панелями часто возились мыши, но это меня не пугало, я не боюсь мышей.

Моя комната освещалась маленькой ночной лампочкой, стоящей на камине.

Вдруг услышала скрип, и часть панели отодвинулась, баронесса тихонько заглянула в комнату из темного квадрата потайной двери.

Я не шевелилась на постели.

Тогда баронесса подвинулась и пропустила Минну. Девочка прыгнула в комнату. С минуту она стояла, вся подергиваясь, шевеля руками и втянув голову в плечи, потом быстро метнулась в мою сторону, прыгнула на меня и впилась в мою шею.

Я дику закричала и, оторвавшись от себя, бросила на пол.

Мой крик слился с криком баронессы, которая бросилась к корчившейся на полу Минне.

О, как отвратительно было это чудовище, извивавшееся всем своим скелетообразным телом, с вытаращенными глазами и с ртом, полным крови – моей крови...

Я увязывала и укладывала свои вещи. Ночь под Новый Год я провела, дрожа от ужаса, спрятавшись в конюшне.

Кучер не понимал, что я ему рассказывала, – он едва знал десяток слов по-русски, но он не очень удивился, когда я вбежала полураздетая к нему в конюшню.

– Вдома много чудес, – старая дома, ах, старая дома! Барон сразу умер – ходит, видят, старая барон.

Только когда совсем рассвело, я решила пойти в мою комнату, чтобы собрать вещи и немедленно уехать.

Я была почти готова, когда вошла баронесса. Она едва дошла до кресла и, опустившись в него, с мольбою сказала:

– Не уезжайте, я согласна на какое угодно вознаграждение... сжальтесь над нами... сжальтесь над несчастным ребенком...

Я молча завязывала свою корзину.

– Послушайте, – застонала она, ломая руки, – неужели у вас нет жалости! Ведь моя дочь, бедный ребенок умрет с

голоду... Ведь она может питаться только человеческой кровью! Свою я ей отдала всю, я едва жива. Если я ее накормлю еще хоть раз, я умру! А если я умру, кто о ней позаботится? Неужели вы так жестокосерды, что не хотите спасти бедное дитя?

– Дитя, – крикнула я, – это не дитя, а отвратительное, вредное чудовище. Я бы на вашем месте радовалась, что умрет такой выродок, а вы еще жертвуете жизнью и здоровьем других людей, чтобы кормить эту гадину.

– Но я – мать! – зарыдала баронесса, –

вы не имели детей, вы не знаете материнской любви – этого святого, всепоглощающего чувства.

Она упала на колени, схватив меня за платье, но я имела «жестокость» оттолкнуть ее и уехать.

Долго лечилась от острого малокровия, никому не жалуясь, да и кто бы мне поверил.

Теперь я выхожу замуж и желаю только одного: если у меня будут дети – никогда не чувствовать к ним такой сильной материнской любви.

АРХИВ
АРХИВ

Гость этого номера Кирилл Резник.
Что на этот раз попало в поле зрения фотохудожника?
Присланную в журнал фотосессию он назвал
Один день в Финляндии.

Игорь Воловик

ДРЕЗДЕН

Элегия рококо

- Когда ты напишешь про Дрезден?
- Когда будет время.
- Тебе ничего не стоит. Это город.
- Это понятие.

(Из разговора)

Эльба, она же Лаба, берет начало на возвышенностях сказочной Богемии – стране замкови Златовласки. Сливаясь с молочной сестрой Влтавой, воспетой Берджихом Сметаной и только пронизавшей порогами под каменным «мостом на яичной извести» Прагу, ставшую поистине Диснейлендом – с ее невероятными башнями и фронтонами, – неспешный поток покидает Чехию через Усти-над-Лабем, огням которого патриотично отдал честь Карел Чапек в «Путешествиях», и прокладывает путь через Саксонскую Швейцарию и самые северные в Европе виноградники, перед тем как оросить своими притоками добрую половину Германии и дать жизнь ее городам – Дрездену, Берлину, Магдебургу, а затем, наконец, броситься за

Гамбургом в неприветливые рулады Северного моря – в мир коммерций, ветряков, индустрии и нефтяных скважин.

Таков удивительный пробег этой европейской реки, некогда соединявшей непримиримых славян и германцев, враждующие Пруссию и Австрию, Запад и Восток в конвульсиях «холодной войны» и вдоль которой сегодня можно попасть из одной страны в другую на велосипеде, не заметив пограничный знак. Именно здесь поток встречает одну из важнейших железнодорожных магистралей Мальмё-Будапешт-Балканы – своего рода «из варяг в греки» и одновременно «Восточный экспресс». Но обо всем этом забываешь, когда из окон вагона открываются виды на скалы из желто-бурого камня, излучины, крепости, а дальше – виноградники, дворцы, города. А вот и Дрезден. Река делает мягкий разворот.

- Ты знаешь, как называют Дрезден?
- Ммм..
- Флоренция на Эльбе. Ты же архитектор, Герд!
- Ну да.
- А кроме того, ты – немец. Должен знать.
- Бразилец.
- Чего только в мире не случается, однако.

Столице Саксонии выпала неслыханная удача. Пейзажиее наполненных воздухом пространств рококо писал сам Каналетто по дороге из барочной Вены в барочный Петербург, чтобы в конце концов осесть на полпути – в не менее барочной Варшаве. Итальянский пейзажист, владевший техникой детали, запечатлел городскую жизнь не менее точно, нежели современные фотоаппараты служб автоинспекции. Фокусируя одновременно крупные и мелкие планы, что позволяет – при прибли-

жении к картине – открывать новые и новые уровни информации, художник добился воссоздания подлинности уличных сцен и деталей фасадов, словно они вышли непосредственно из середины Века Просвещения. Каналетто не знал тогда, что именно его картины станут наиболее достоверными документами привосстановлению городов. При возрождении из развалин входе последнего мирового катаклизма Старая Варшава нарядилась давно забытыми черепичными крышами, замененными некогда на банальные свинцовые, – их узрели у Каналетто. Художник стал образцом. При недавнем восстановлении дрезденских улиц был положен принцип – видеть город глазами Каналетто. Живя в ногу со временем, увлеченный итальянец донос до зрителя не только живые процветающие города, но и их руины. Дрезден в венце своей славы. Несколькими годами позже – искалеченная арматура церкви Святого Креста после бомбардировки пушками прусской армией. Каналетто словно сказал потомкам: посмотрите на эти ужасы, они могут повториться.

И ужасы повторились. В пропорциях 20-го века. От Хиросимы до Гамбурга. Через Сталинград, Варшаву и Дрезден. Им посвящены книги. На почерневших камнях помпезных зданий выгравирована история города. Мирное вековое потемнение его стен. Копоть огненного смерча под тысячами зажигательных бомб.

–Осторожно, не садись! Это мемориальная скамья.

–В честь чего?

–Видишь, написано: «Евреям садиться запрещено». Монумент Холокосту.

–Так вот мне именно и нужно здесь сидеть. Какеврею. Пусть знают.

–Пусть... Знаешь, мне всегда было жаль этот город.

–Почему?

–Он не должен был сгореть. Представь, вон там, у замка, расплавленная бронза капала с крыши на головы бегущих к Эльбе людей. А с неба на них сбрасывали фосфор. Их сожгли, словно в печи.

–Каждому – своя.

Как восстановленный Дрезден восхищает сегодня фарфором, экспозициями и коллекциями, пережившими катаклизм, и камнем, находящем отражение в мерных водах Эльбы, текущей в сторону виноградников Майсена, так Ленинград середины 80-х поражаел воображение юного москвича близостью Европы, ветром с Балтики, постановками в Михайловском театре на парижский манер и обилием – на книжных прилавках – литературы об иностранных городах. Закрытые границы крупнейшего в мире государства и еще не придуманный в те времена Интернет – современное шестое чувство – толкали подростка к страницам с фотографиями шпилей, крыш и фронтонов, к замкам, ратушам и церквям. К сказке в реальном воплощении. В одном из книжных магазинов на Невском проспекте я купил тяжеленную книгу «Старый Дрезден», обернутую в суперобложку с репродукцией Каналетто. Как я узнал позже от немецких студентов в Гренобле, это была *библия* дрезденцев. Я не знал немецкого, но гравюры саксонской столицы с датами внизу говорили сами за себя. Десятилетие за десятилетием разворачивалась история города, которую впитывал здесь же, у прилавка, на Ленинградаской почве, среди его домов на европейский манер. Страница за страницей черно-белые изображения превращали маленькое поселение на окраине Германии в цветущую резиденцию Веттинов, правивших за пределами Саксонии, в Речи Посполитой, и

друживших с русским двором. Цвингер – группа прозрачных (или призрачных?) павильонов, подобных хороводу из карет принцесс – манил умопомрачительностью локоно в пилястр, крыш и обрамлений оконных проемов. Кажалось, увидеть его воочию и дотронуться до его почти нереальных стен было бы счастьем.

– Ая съездилв Лейпциг. Полтора часа – и там.

– Класс! На монумент Битвы всех народов поднимался?

– Разумеется. На трамвае от вокзала очень просто. Но мне не это нужно было.

– А что?

– Зашел в церковь св. Томаса.

– Где когда-то играл Бах.

– Там все как в учебнике по музыкальной литературе. Ничего не изменилось. Только туристов полно. Постоял, послушал – кто-то репетировал. Подумал: вот вернусь в Гренобль, засяду за фуги. И напишу барочный текст.

– Музыкальный?

– Литературный. Про Дрезден. Внемна хватает Баха – полифонию камней озвучить.

Трамваи пронизывают город во всех направлениях. Один за другим, почти без перерыва, по разветвляющимся путям, от вокзала к Эльбе и за Эльбу, за железнодорожное полотно, вдоль парка, снова к Эльбе, снова за вокзал, к виноградникам, к виллам, на возвышенность, по авеню, по узкому переулку. Можно ошибиться и снова сесть на другой трамвай – в обратном направлении, чтобы пересесть на третий, а затем и четвертый и – снова. С целью и бездумно, глядя на людей или угкнувшись в карту, переходя с остановки на остановку, чтобы попасть именно туда, куда запланировал не сегодня, а лишь завтра, а потом поменять план и – вопреки

привычке – не сетовать, что сделал противоположное, а сделать лучше.

За ансамблем постоянно реставрируемых старинных зданий (или лишь напоминающих старине, где подлинные камни соседствуют с разузоренными бетонно-кирпичными домами-декорациями «под Каналетто», словно на сцене театра, а те – с молодыми камнями нежно-желтого оттенка в отстроенных заново по старинному образцу исторических монументов в сочетании с черными силуэтами февральских лип, добавляющих волнистость и нереальность в композицию центра) пролегает бульвар. Он охватывает центр. Широкий размах шоссе. Свист шин на светофорах. Бетон 70-х. Монотонность лоджий. Белье. Землистые тропинки на газонах. Пустоты между строениями. Заборы, тротуары, подъезды. Столбы. Школа. ПТУ. Пробежав через гудронный пейзаж послевоенных кварталов, трамвай снова ныряет в привычную ему среду лепнины фасадов, не тронутых бомбардировкой на городской периферии, с бутиками на нижних этажах, цветочными рынками, аллеями, обрамленными вилами, словно соревнующимися между собой нарядными окнами и крышами, со скверами, брусчаткой и садами, и бежит вперед – туда, на восток, к мосту из металлической паутины через Эльбу в Лошвице, ведущему к фуникулеру и виноградникам, спадающим каскадами от замков на вершине склонов – к воде.

– Сколько же здесь было уничтожено в 45-м – целые районы!

– А теперь стало серо и уныло.

– Людей расселили. Дали им жилье. Корректное, кстати. Построили дома, детсады, поликлиники. Когда острая необходимость, не до красоты. Тем более послевоенные кварталы организованы и продуманы. Для той эпохи.

– Но какое ужасное движение на

проспектах – просто настоящие шоссе в центре города!

–Странно то, что здесь до сих пор организуют пространство, как в 80-е. В то время как в Европе вся власть велосипеду, детьми джогингу. Экология. И Хельсинки – лучший тому пример.

–А ты займись здесь планировкой.

–Думаю, у них есть свои. И еще я заметил...

–Что?

–Немцы протоптали дорожки на газонах. Не ожидал!

–Встроюм социалистическом городе строгие германцы потеряли дисциплину.

Я возвращаюсь на вокзал, где меня приветствуют уже знакомые кассиры, и совершаю поездки вдоль Эльбы до Майсена – в один конец и до границы с Чехией – в другой. Красный поезд неспешно следует по излучинам долины, купающейся в нежных лучах ранней весны, я посещаю фабрику фарфора, который дарили Екатерине II, заказываю местное красное вино, столь редкое для северной широты, – к говядине склецками под соусом, останавливаюсь в городках, взбираюсь на возвышенности над остроконечными крышами, слушаю бой колоколов. Мои немецкие спутники сходят на полустанке в гористой местности и переправляются на пароме на противоположный берег реки – в Чехию, за покупками подешевле, а я пересаживаюсь на местную электричку (мне помогают купить билет) и заезжаю в приграничный чешский город, чтобы, запивая пенным «Пилвнером», победать говядиной с картофелем на виду ярко раскрашенной замковой башни, тоже барочной, но столь отличной от саксонских, и среди улиц, от которых еще веет шармом советских городов конца 80-х: со скрипучими и хлопающими дверями магазинов.

На обратном пути в Дрезден, покинув Богемию, я останавливаюсь в курортном саксонском местечке. И, в ожидании следующего поезда, решаю перейти через Эльбу по боковому железнодорожному мосту. Внезапно мне весело сигналил разноцветная электричка, ползущая по рельсам за мной. Я очарован этим хай-тековым созданием на ажурном эйфелевском мосту и непременно хочу сфотографировать. Но машинист затормаживает состав, грубо выкрикивает сначала на немецком, а затем по-английски, чтобы я сейчас же убирался прочь с моста, окончательно выходит из себя, грозит полицией, велит мне подняться в поезд, а затем везет куда-то далеко в сторону, по однопутной, прочь от Эльбы и Дрездена – по покрытым снегом холмам, через туннели, скалы, ущелья и хвойные леса. Наконец, спустя, наверное, километров двадцать, на вокзальчике заброшенной у границ Чехии немецкой деревеньки меня сажают нарядом полиции, которая куртуазно проверяет мои документы и задает вопросы. Все в порядке. Но поезд тем временем уже покидает станцию. И мне ничего другого не остается, как «зимовать» на перроне. Полицейские смеются. Приглашают в зеленую с белым машину с надписью «Polizei» и везут до ближайшего вокзала по живописнейшим местам Саксонской Швейцарии, воспетой в немецких коммерческих путеводителях. Сервис – бесплатный.

–Говоришь, они были милы?

–Очень. Веселились и подтрунивали над машинистом, как оказалось, частной железной дороги, который проявил слишком много усердия и вообще... Я было подумал, что меня загребуг, как шпиона.

–Ну конечно, на границе, рядом с каким-нибудь военным объектом.. Не шутка.

– На мосту не было написано «Проход запрещен». А раз не запрещено, то разрешено.

– Это у вас – во Франции. Кстати, ты какие предъявил им документы?

– Французские, конечно.

– А мне вот интересно, как бы они мило с тобой веселились, если бы ты им показал русские?

– Ну спасибо! Мне уже пришлось один раз показывать, когда был студентом. На немецкой границе, в 95-м, в автобусе из Праги в Гренобль.

– Ну, и как ощущения?

– Не хотели пропускать. Тогда еще законы не установились. И был переходный период из ГДР. Больше не рискую.

Цвингер. Я заходил в него вчера. И позавчера. А сегодня вернулся снова. Прошелся по крыше галереи. Среди статуй. Среди ожившего пейзажа Каналетто, окутанного движением воздуха с Эльбы и гулом трамвайных колес на мосту. Посреди большого города, в оазисе персонажей из белого камня. Слово на развернутой странице книги с репродукциями на ленинградском прилавке. Среди воздвигнутого, пережившего, восстановленного. Руками строителей разных веков. Некогда у раздела враждебных миров, а сейчас в самом сердце новой Европы – континента без границ. Перешел через двор, посыпанный мелким гравием, – как во Франции. Пересек его в другом направлении. Остановился под аркой. Дотронулся до камней. Прислонился. Шершавые. Прохладные. Соленые. Скопотью от времени. Скопотью от огня. И просто постоял. Как в раковине моллюска. Попрощался. Как с другом. Попрощался со сказкой детства, о которой мечтал. При прикосновении мечта пропадает. Он показался мне немного меньше, чем то, что я

представлял. Говорят, так всегда, когда вырастаешь из детства. Из двора я проник внутрь здания. В музей фарфора – отголосок майсенской мануфактуры. Но не для выставки, а чтобы познать это здание-скульптуру. Мне осталось еще четверть часа. До обратного пути в аэропорт.

Один французский коллега сказал мне однажды при виде помпезных фасадов и крыш Будапешта: «Красиво. Но нет простоты и меры». А другой ему ответил: «Просто французы не приемлют барокко». Волшебный фейерверк изогнутых форм рассыпался на мириады камней. Как рассыпаются фантазии. Как рассыпаются камни при воздушном налете. Как рассыпается нонсенс. Во Франции у меня возникло новое ощущение, которого я раньше не знал. Ощущение земли, которая проникает в тебя через ступни. Когда ты прочно стоишь в поле. На вспаханной борозде.

Я встал посреди Цвингера. Чтобы почувствовать его почву. Почву излучины Эльбы. Текущей с Востока на Запад. Из прошлого в настоящее. Из мира ушедшего в мир строящийся. Из барокко к Декарту. Из сказки в жизнь.

Гренобль, 2014

ИВ

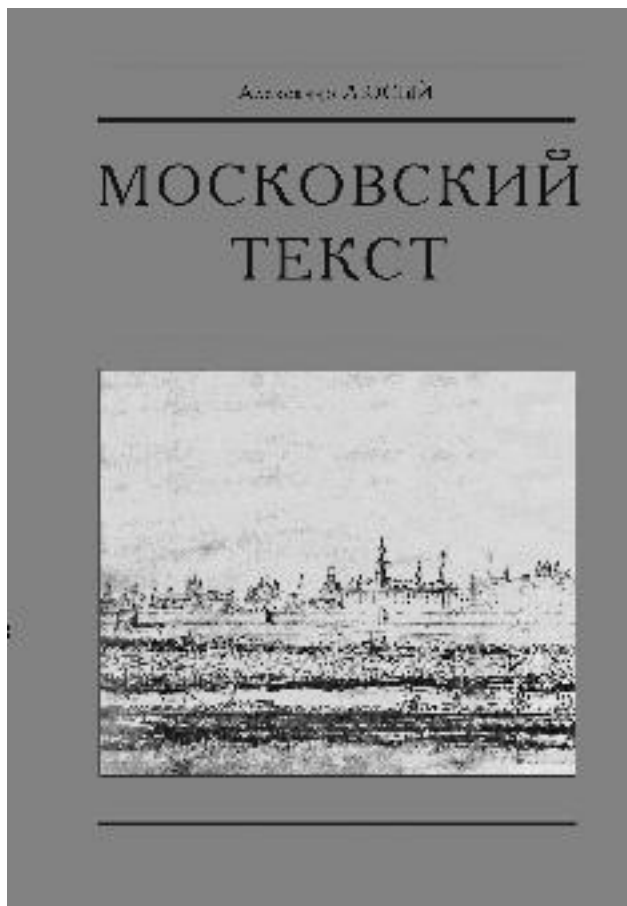
Люсий А.П. Московский текст: Текстологические концепции русской культуры – М.: «Издательский дом «ВЕЧЕ»; ООО «Русский импульс», 2013 – 320 с.

Евроремонт путаницы

Московский текст русской культуры от Александра Люсого

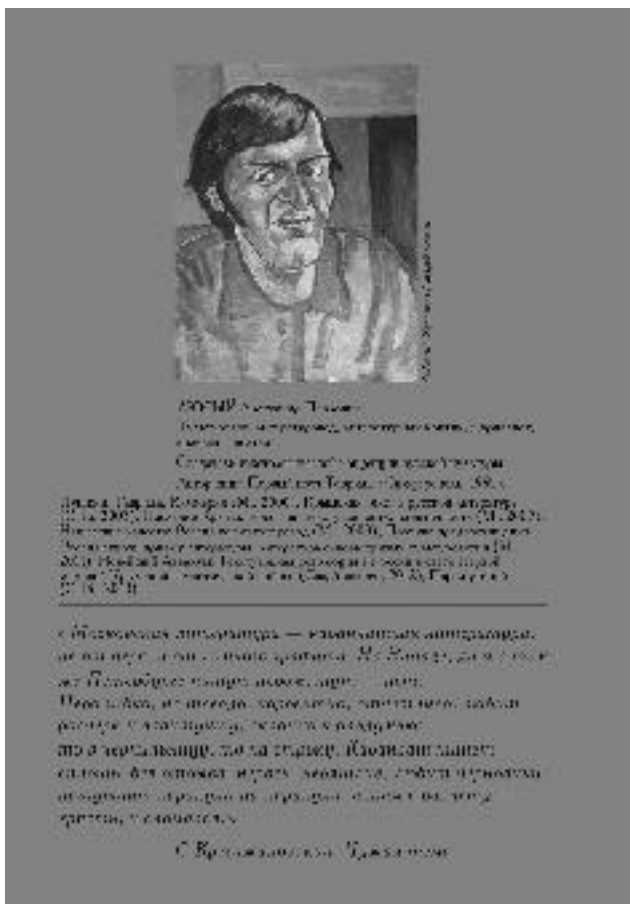
Книгой «Московский текст» Александр Люсий продолжил исследование локальных текстов русской культуры, начатое в ряде предыдущих книг. «Москва... какмного в этом звуке/для сердца русского слилось!/ какмного в нем отозвалось!». Эти стихи Пушкина являются своеобразным лейтмотивом сборника, в котором автор сплавляет в одно целое историю, искусство и географию.

Люсий прекрасно понимает антропологическое измерение среды обитания. Он настаивает на том, что современный город задает особые способы существования. Транспортные магистрали, система электроснабжения, водопровод и канализация, метро и интернет, всё это провоцирует человека на определенные поступки, генерирует определенные события, которые можно читать как текст. Но город существует еще в

исторической и пространственной связи. Москва уже не одно столетие противопоставляется в отечественной историософии Петербургу. Реально сложившийся облик и образ Хельсинки, к слову сказать, органично вписывается в Петербургский текст, обнаруженный В.Н. Топоровым в пространстве русской ментальности.

Петербург в нашем сознании связан с большими проспектами и площадями, с цитатами классиков, с музеями, с империей в ее визуальном измерении. Москву обычно сравнивают с большой деревней. И «Бедная Лиза» Карамзина лишний раз иллюстрирует эту мысль. Но Москва еще и третий Рим, первопрестольная, белокаменная, о чем напоминает исследователь. И еще она –

площадка для разных революционного эксперимента, в частности, живой образ пути прихода к социализму. Дома Корбузиэ, сталинские высотки, Выставка достижений народного хозяйства неотделимы от ее облика. И если раньше в Москве, по сути, не было площадей, а были лишь утолщения улиц, то тотальная перепланировка 1930-1940-х годов, а затем и 1970-х не только уничтожила старую Москву, но и превратила многие ее районы в мертвящие душу квадраты. «Лужковский» ампир продолжил дело большевиков, хотя об этом можно спорить, и автор не высказывает здесь категорических суждений.

Александр Люсый, как рыба в воде, плавает в культуре. И любое лыку у

него идет в строчку. В работе мы найдем и размышления о трилогии Андрея Белого «Москва», и разборку стихов Осипа Мандельштама, и даже анализ киносценария Владимира Сорокина. При этом исследователь подчеркивает, что современная Москва представляет собой текст еврореонта, из пространства которого элита видит и утилитарно использует страну. Московский текст текущей современности, утверждает Люсый, игнорирует Россию, для которой Москва стала внешней далекой стихией. Иными словами, современный московский текст существует в особом хронотопе.

Можно по-разному относиться к творческому методу А.П. Люсого. Но нельзя не признать, что обращение к системе локальных текстов позволяет нам посмотреть на известные артефакты незамыленным взглядом и расширить границы человеческого «я», создать другую геометрию личности. Локальный текст возникает перед нами как осмысленное, семиотизированное целое, позволяющее нам почувствовать разные грани бытия.

Впрочем, Колумб крымского текста Александр Люсый не ограничивается одной Москвой. В книге мы также видим попытку подступиться к киевскому, волжскому и кавказскому тексту. Но это именно попытки: небольшие эссе на заданную тему.

Что касается московского текста, то автор приходит к радикальному выводу, что МТ представляет из себя текст-множества и текст множеств. И что этот текст верен логике реалий «московской путаницы».

«Все смешалось в доме Облонских...». Но читать интересно — страница за страницей.

Борис Колымагин

Нина Гейдэ.
Тень незабудки.
Стихотворения,
переводы датской
поэзии,
лирическая проза.
Москва: ООО
«Нонпарель»,
2013. 114 с.
Автор обложки:
Виктория Матисон

В гостях у Дании

Пожалуй, эпиграфом к этому сборнику больше всего подошли бы начальные строки одного из ранних стихотворений автора:

*Зайдем стобой в пустынное кафе,
закажем кофе, выьем шерри-бренди.
И жизнь моя начнёт тихонько бредить
и бередить забытое...*

Первая книга стихов поэтессы и журналистки из Дании Нины Гейдэ состоялась!

Поздравим автора с этим замечательным для каждого творческого человека событием.

Несколько слов о биографии. Родилась в Москве, окончила факультет журналистики МГУ им. Ломоносова; с 1994 года живет в Копенгагене, Председатель Европейского Творческого Союза «Огниво», лауреат литературного конкурса «Русский стиль – 2009» (Вена), победитель конкурса русской поэзии «Под небом Балтики – 2013» в номинации «Свободный жанр» (Таллин). Стихи, рассказы, статьи публиковались в журналах «Звезда», «Берег» (Дания), «LiteraruS» (Финляндия), «Роза ветров» (Израиль).

Небольшая по объему книжка включила в себя такие знакомые (чтобы не сказать

«до боли») и трогательные темы: любовь к своему прошлому («*стол, комод, трюмо, диванчик и Кандинский на стене*»), к родному языку («*нет слов, нежнее русских*»), оставленной родине («*Там, где распускается сирень на школьном дворе... там я бегу и смеюсь, и падаю на асфальт, обдирая коленку...*»), нежность к единственному мужчине («*Волос твоих коснусь губами...*» – все, что люди везут с собой, переезжая в новую страну, чем им необходимо поделиться. И – переживание, оттого что жить теперь в эмиграции («*бесталанная имитация счастья, струн бытия распад...*»), хотя в первой по рейтингу стране (Дания возглавляет список), где люди чувствуют себя счастливо! Жить, как понимаешь, перелистывая страницу за страницей, не вписавшись в контекст:

*...Мисс жестокая Эмиграция –
мягко стелешь, да жестко спать.*

Оттого, наверное, столь частое возвращение:

*Когда речи чужой безнадежно прорехи латаю,
когда сердце хандрит и тянуть уже больше нельзя,
я сажусь в самолет «Копенгаген-Москва» и взлетаю
на свой горный Олимп, где меня ожидают друзья.*

Ранние стихи, циклы, написанные в разные годы, переводы с датского Тове Дитлевсен, лирические миниатюры... Так много впитал в себя этот сборник. И, прочтя его, хочется повторить вслед за автором:

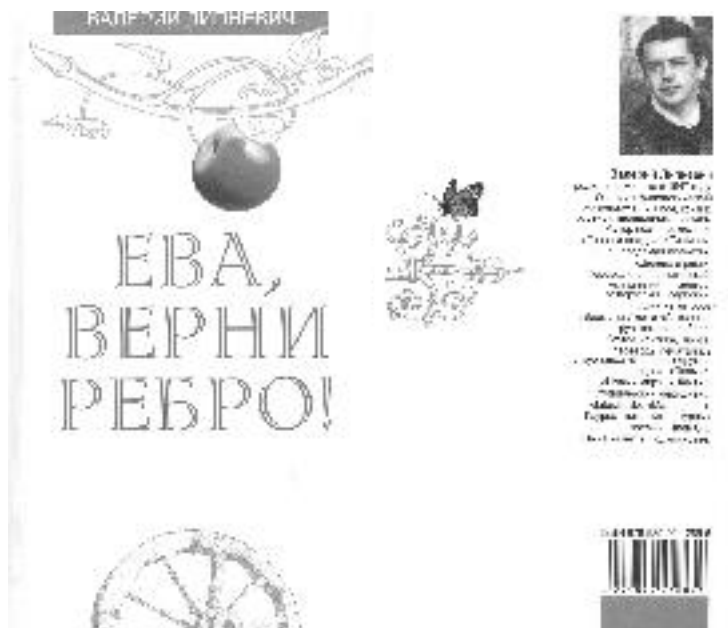
*Как предисловье к жизни, послесловье
к небытию – в единстве круговом
летят стихи – неупорядочены – словно
рой мотыльков небесных на огонь*

*свечи Господней... Пусть миры кренятся,
и царства исчезают, будто сон,
как древние инкюбулы, сохраняются
стихи в прозрачном янтаре времён.*

Людмила Коль

**Валерий
Липневич.
Ева,
верни
ребро!**
Повести.
Минск:
Мастацкая
літаратура,
2013. –
206 с.

Ева, верни ребро!

Под таким названием вышла первая книга поэтической прозы Валерия Липневича, которую можно отнести к редкому у нас жанру «воспитание чувств». Именно с этой прозы и начался поэт Валерий Липневич – автор книг «Трава и дождь», «Тишина», «Неведомая планета», «Дерево и река». Рождение из прозы и объясняет, вероятно, его пристрастие к верлибру, который в ту пору еще не был протоптанной дорогой, но всего лишь тропинкой для зорких и одиноких странников. Поэтому свежие и сердечные стихи Валерия Липневича вошли и во «Время Икс» (1989), и в «Антологию русского верлибра» (1990).

Знакомясь с прозой Валерия Липневича, обнаруживаешь там и критика, позже проявившего себя и на страницах «Литературной учебы», «Литературной газеты», «Литературного обозрения», «Нового мира», «Дружбы народов», на страницах белорусских газет и журналов.

Ранняя проза Валерия Липневича привлекает силой и глубиной чувств, неординарностью мышления, ненавязчивым юмором, философичностью. Написанная еще в семидесятые годы прошлого века, она не только сохранила, но и обрела новую актуальность на фоне общего понижения культурного уровня во всех сферах нашей жизни. Двадцатилетние, шагнувшие за грань самосознания, с удивлением, интересом и болью понимают, что игры друг с другом и со случайными обстоятельствами обретают все более жесткие формы. Своёволие поглощается судьбой. Молодежные посиделки в стиле «повстречались-разбежались» должны подчиниться закону взаимозависимости и ответственности, иначе жизнь слюает.

В какой-то мере, эта проза – послание из далеких уже студенческих семидесятых студентам нашего времени, тем, кто задумывается над жизнью, а не просто плывет по течению. Ну, кроме всего прочего, эта проза предельно документальна, все герои ее

состоялись в жизни, а некоторые стали известны всему миру – как писатель Светлана Алексиевич, как философ Лев Кривицкий.

Вошла в книгу и повесть «Девушка с яблоком», переведенная на многие языки и разошедшаяся по миру тиражом более 1 000 000 экземпляров. В свое время она печаталась и в журнале LiteraruS (№1/2007). В журнале часто появлялась и его поэзия, публицистика, короткая проза.

Запомнились читателям и такие документальные публикации Валерия Липневича как «Путешествие для бедных» в «Дружбе народов», «В кресле под яблоней» в «Новом мире». Давно и плодотворно работает он в содружестве с курдским поэтом и писателем Ганадом Чарказяном, мастерски переводит поэзию белорусов, грузин. Но все же в ранней прозе Валерия Липневича есть то, что выше любого мастерства, приходящего с опытом, – та особая прелесть, когда свежесть юного зрения сочетается со смелостью и уверенностью молодого шага. Хочется верить, что и сегодняшний читатель сможет оценить его прозу. Хотя, конечно, она явно не для всех. Но для тех немногих, кто умеет не только видеть и чувствовать, но и думать:

**

Сходить в кино...

Он уже предвкушал это наслаждение – сходить с ней в кино.

Он предвкушал радость от покупки билетов, от того, как он будет ее ждать, от того, как она, наконец, появится – подойдет сзади и возьмет под руку. В тот самый момент, когда он уже перестанет надеяться.

Он предвкушал радость от того – и это было самым волнующим предвкушением (может, ради этого и ходят в кино) – от того, что женщина у двери сложит их билеты, как складывают судьбы – лицом к лицу – и оторвет полоску бумаги, и мельком взглянет на них, после чего, дополняя и поддерживая друг друга, они смогут быть только вместе.

***

Ее грудной переливающийся голос был словно подсолен хрипотцой.

Когда он звонил, она не сказала, что болеет.

Она похудела, выступили скулы, губы потрескались, а глаза стали больше и темнее. Ему захотелось обнять ее, поцеловать в пересохшие губы, в выпирающие ключицы. Он даже напрягся, чтобы сдержать это желание.

И подумал, что нельзя избавиться от желаний – можно только запереть их в себе, как в клетке, можно выдрессировать, как зверей.

И что сдержать желание также приятно, как и уступить ему: в обоих случаях желание исчезает.

А всех желающих поближе познакомиться с работами Валерия Липневича отправляю на самый демократический сайт российского интернета стихи.ру и проза.ру.

Светлана Бартохова

Подготовка рубрики: Рецензент